

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

тические формы бытия, которые, с одной стороны, могут противостоять, как им кажется, привнесенным извне нормам и формам буржуазного бытия, а с другой, используя свои внутренние потенции – т.е. всю сумму традиционности – социальную, экономическую, политическую и культурную, обеспечить менее болезненное вхождение обществ этих стран в современный мир.

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 21, с. 36; "Зарубежный Восток и современность". М., 1980, с. 122.
2. В абсолютном выражении помощь стран-членов ОПЕК в 1978 г. составляла 7,5 млрд. долл., стран-членов ДАК 19,9 млрд. долл. Доля ассигнований стран ОПЕК на оказание помощи в их совокупном валовом национальном продукте составляла в указанном году 1,59%, тогда как доля стран ДАК в аналогичном показателе – 0,32% (см. OPEC Annual Report. 1979, с. 25; 1979 Review. Development Cooperation. November 1979, с. 269.).
3. В 1974 г. доля ассигнований стран-членов ОПЕК и стран-членов ДАК в их совокупном ВВП составляла соответственно 4,40 и 0,38%, в 1975 г., 5,62 и 0,46%, в 1976 г. – 3,38 и 0,43% (См. Financial Solidarity for Development. Efforts and Institutions of the Members of OPEC, UNCTAD T/V/C.7, March 22, 1979, с. 21).
4. Мировая экономика и международные отношения, 5, 1978, с. 69; OECD Observer P. July 1979, с. 27.
5. Международные кредитные отношения капиталистических стран. М., 1981, с. 195.
6. "Связанный" характер помощи сокращает ее реальную ценность на 15–20% ввиду того, что товары, купленные в стране-доноре, зачастую значительно дороже, чем на мировом рынке.
7. 1979 Review. Development Cooperation. November 1979, с. 25, 269; Financial Solidarity for Development. Efforts and Institutions of the Members of OPEC, с. 33.
8. The Economy of Kuwait: Development and Role in International Finance. L. 1979, с. 218–220.
9. The Economy of Kuwait, с. 25, 26, 34.

М. Б. Пиотровский

АЛ-ХАМДАНИ И КАХТАНИДСКОЕ ИСТОРИКО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ*

Ал-Хасан б. Ахмад ал-Хамдани (род. 893 – ум. ок. 950 г.) был одним из самых ярких ученых арабского средневековья. Его перу при-

* Эта статья является кратким вариантом доклада, прочитанного автором 25.10.1981 г. на проходившем в столице ИАР, Сане, Международном симпозиуме памяти ал-Хамдани.

надлежат многочисленные сочинения, среди которых особое место занимают труды, посвященные истории и географии его родины, Йемена, включающие знаменитое "Описание Аравии" и многотомное сочинение о древней истории Йемена, его памятниках и племенах - "Книгу венца" ("Ал-Иклил"), от которой до нас дошли только четыре тома (I, 2, 8, 10).

Для реконструкции прошлого Южной Аравии ал-Хамдани пользовался самыми разнообразными источниками - от списков племенных родословий до надписей. Одним из этих источников было историко-эпическое предание о йеменской древности, сложившееся уже в мусульманское время в Сирии под влиянием борьбы аднаидских и кахтанидских племен за власть в халифате, частично лишь восходящее к подлинной древней традиции. Это кахтанидское предание стало важной частью культурного наследия арабов в целом, а также было одной из идейных основ специфического йеменского этнического самосознания, возродившегося в рамках общеарабской средневековой народности в IX-X вв., в период жизни и деятельности ал-Хамдани.¹

Характер использования ал-Хамдани материала кахтанидских легенд в его сочинениях позволяет обнаружить достаточно оригинальный для средневекового ученого подход к эпическому источнику; он же свидетельствует о связанном с именем ал-Хамдани особом периоде бытования кахтанидского предания, вернувшегося в IX-X вв. к своим истокам, в Йемен.

Ал-Хамдани отлично понимал, что эпические рассказы содержат множество недостоверных сведений; в его трудах на каждом шагу можно встретить рассуждения о том, что те или иные события, известные из легенд, не могли в действительности иметь места.² Не дошедший до нас седьмой том "Ал-Иклила" назывался: "Предостережение от неверных сведений и невероятных историй".³ Уже этот заголовок указывает, что ал-Хамдани различал сознательные искажения (обфуга) и типичную для фольклора фантастичность (мустахйла).

В своих работах ал-Хамдани шел дальше, пытаясь выявить причины искажения первоначальной традиции о йеменском прошлом, что, по существу, дополняло критический анализ анализом историко-культурным. Совершенно справедливо он указывает, что причиной значительных и сознательных искажений была деятельность генеалогов мусульманского времени в Сирии и в Ираке, стремившихся прошлым обосновать новые политические союзы, а также связать родословия "северных" и "южных" арабов.⁴

Ал-Хамдани обнаруживает и события более ранних эпох, прервавшие историческую преемственность. Первое такое событие он

связывает со временем Бухт Нассара, т.е. Навуходоносора. В арабской традиции, также как и в библейской книге Даниила (2-5) Навуходоносор часто заменяет Набонида, вавилонского царя VI в. до н.э., чьи походы и долгое пребывание в Аравии⁵ действительно внесли немало изменений в жизнь аравийского общества, и, соответственно, в ее предания. Другая группа арабских легенд⁶ связывает с именем Бухт Нассара историю массовых перемещений аравийских племен в первых веках нашей эры, время так называемой "бедуинизации" Аравии, тоже превравшей часть традиций.

Ал-Хамдани не ошибается и когда следующим этапом нарушения преемственности называет время после правления Абкарита Асада, в V в. н.э.. Как мы знаем, тогда действительно прервалась традиционная династия, появилось много претендентов на власть; тогда царская химйаритская традиция стала заменяться преданием бедуинов. Таким образом, схема ал-Хамдани отражает реальную историю Аравии и историю сложения кахтанидского предания. Заметим, что подтвердить правильность выводов ал-Хамдани мы можем лишь благодаря открытиям и исследованиям последних десятилетий.

При всей критичности своего отношения к историко-эпическому и тесно связанному с ним генеалогическому материалу ал-Хамдани широко использует его, стараясь, однако, употреблять его лишь как дополнительный источник, тщательно перепроверять данные, оговаривать свои сомнения. Показательным примером его обращения с источниками может служить начальная часть т.Х "ал-Икклила", посвященная царю II в. н.э. Алхану Нахфану.⁷ Сначала он устанавливает связь этого царя с библейской историей, со временем Йусуфа-Иосифа. Связь фантастична, однако интересно, что ал-Хамдани не переносит в Йемен библейские персонажи, как это было принято у большинства средневековых сказителей и историков, а берет местную йеменскую легенду об изобретении колодезного орошения и связывает ее с советом, который дал Йусуф, правивший тогда в Египте. Йеменский материал оказывается первичным.

Далее ал-Хамдани перечисляет виденные им в разных местах древние надписи с упоминанием имен царей Алхана и Нахфана, которых он считает братьями. В связи с одной из таких надписей он рассуждает об особенностях древнейеменской орфографии, не отмечавшей на письме долгие гласные. Лишь в самом конце ал-Хамдани приводит эпическое стихотворение из цикла об Ас'аде ал-Камиле, где упоминается один царь с двойным именем - Алхан Нахфан. Ал-Хамдани объясняет возникающее противоречие тем, что поэт в соот-

ветствии с правилами арабской риторики мог иметь в виду не одного, а двух царей.

Ал-Хамдани неправ; в действительности существовал один царь с двойным именем. Однако эта ошибка лишь подчеркивает метод — для ал-Хамдани главным свидетельством были надписи. Другое дело, что язык этих надписей, как можно судить по многочисленным "цита-там" из них в его сочинениях, ал-Хамдани знал весьма приблизительно. Важно и интересно другое — преимущественная вера автора написанному слову как источнику, что достаточно оригинально для ранне-средневековой арабской традиции, в принципе и на практике выше всего ставившей авторитет устной передачи сведений и всегда считавшей поэтические строки лучшим доказательством.

Особенностью трудов ал-Хамдани является также то, что он использует историко-эпические материалы, не встречающиеся в более ранних сводах кахтанидского предания. Хорошим примером может служить цикл об Ас'аде ал-Камиле. У ал-Хамдани впервые встречаются строки из стихотворения, названного Р.Никольсоном "Балладой о трех ведьмах"⁸ и являющегося образцом типично йеменского, не искаженного политическими спорами в Сирии предания.⁹ У ал-Хамдани же мы впервые находим текст "Завещания Ас'ада", тоже близкого к местному йеменскому фольклору и содержащего мало мотивов, порожденных кахтанидско-аднанидской борьбой в халифате.¹⁰

Во втором томе "ал-Иклила" содержится и особый вариант стихотворения "Химйар — народ мой", в котором перечисляются нигде более преданием не упоминаемые имена реальных химйаритских царей саранидской ветви — Замаралай Йухаббар, Йануф Йухаслик, Саран Йухаббар, Шаммар Йухахмид.¹¹ Этот список царей является уцелевшим остатком собственно химйаритской царской исторической традиции. Как видим, ал-Хамдани слил общераспространенное и значительно оторвавшееся от йеменских корней кахтанидское предание с материалами собственно йеменской традиции.

Таким образом, ал-Хамдани оказывается и критиком, и исследователем, и "обновителем" йеменского эпоса, важной части культурного наследия средневекового и сегодняшнего Йемена.

1. М.Б.Пиотровский, Предание о химйаритском царе Асаде ал-Камиле. М., 1977, с.3-34.

2. См., напр., ал-Хамдани, Ал-Иклил. Т.УШ, Багдад, 1931, с.168.

3. ал-Хамдани, Ал-Иклил. УШ, с.4.

4. ал-Хамдани, Ал-Иклил. УШ, с.121-122; ал-Хамдани, Ал-Иклил. Т.Х, Каир, 1368 г.х., с.30.

5. C.J.Gadd, The Harran Inscriptions of Nabonidus. - "Anatolian Studies", v.8, 1959, с.35-92; Тексты Кумрана. Комментарий И.Д.Амусина. М., 1971, с.326-335.
6. Das geographische Wörterbuch der Abu Obeid al-Bakri. Göttingen, 1876-1877, с.12-59.
7. ал-Хамдани, Ал-Иклил, X, с.13-19,33,
8. R.Nicholson, A literary History of the Arabs. Cambridge, 1941, с.19-21.
9. ал-Хамдани, Ал-Иклил, II, Каир, 1967, с.57; Нашван ал-Химйари. Мулук Химйар ва ақйал ал-Иаман. Каир, 1378 г.х., с.119-121; Пиотровский. Предание, с.59,67-68.
10. ал-Хамдани, Ал-Иклил, УШ, с.291-293.
11. ал-Хамдани, Ал-Иклил, II, с.388-390. См. Пиотровский, Предание, с.95. Последнее имя (написанное в изданном тексте ~~...~~) засвидетельствовано в новых надписях из ал-Ми'сала. Шаммар Иухамид идентичен Шаммару Зу Райдан. См. К.Робен, М.Бафакх. Ахаммийат нукаш джабал ал-Ми'сал. - "Райдан". Аден, т.Ш, 1981, с.14; Ch.Robin, Les inscriptions d'Al-Mi'sal et la chronologie de l'Arabie meridionale au III siècle de l'ère chrétienne. - Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. Paris, 1981, с.315-339.

Т.К.Посова

КУЛЬТ СЕМИ МАТЕРЕЙ В ПУРАНАХ

Изучение идеологической картины современной Индии невозможно без всестороннего исследования индуизма. Многие течения в современном индуизме восходят к целостному комплексу древнеиндийской санскритской литературы - пуранам (I-XVI вв. н.э.). Важное место в религии пуран занимает культ богини Девы. Он включает в себя множество культов различных женских божеств. Среди них привлекает внимание группа из нескольких (обычно семи) богинь матерей.

Семь женских божеств встречаются во всех пластах древнеиндийской литературы и иконографии. На ряде протоиндийских печатей и амулетов изображены семь (Мохенджо-Даро) и шесть (Хараппа) женских фигур.¹ Они, повидимому, принимают участие в жертвоприношении. В индологической литературе неоднократно высказывалось предположение, что эти женские персонажи олицетворяют семь священных рек Индии (Саптасиндху). Советский исследователь Б.Я.Волчок считает, что в хараппском варианте богиня в дереве и шесть женских фигур сопоставимы с семью священными реками Панджаба, а в варианте Мохенджо-Даро - с рекой Индом и его притоками.² Названия семи священных рек (Иравати, Чхандрабхага, Витаста, Випаша, Шатадру, Синдху, Сарасвати) встречаются в Ригведе, им посвящено около полу-